

Приключення Тома Сойера

Про книгу

О приключениях сорванца и проказника Тома Сойера с удовольствием читают дети во всем мире. Только он может превратить работу в игру, сводить бородавki при помощи дохлой кошки, прогулять школу и все равно выйти сухим из воды. А еще озорной мальчишка распутает страшное преступление и найдет самый настоящий клад!

мир приключений и тайн

Марк Твен

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА

Марк Твен

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Мир приключений и тайн

Для среднего школьного возраста

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА
Харьков Белгород
2012

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2014

ISBN 978-966-14-7461-0 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Твен М.

Т26 Приключения Тома Сойера / Марк Твен ; предисл. и адаптация А. Климова ; худож. М. Курдюмов. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2012. — 240 с. : ил. — (Серия «Мир приключений и тайн», ISBN 978-966-14-3982-4 (Украина), ISBN 978-5-9910-2174-6 (Россия)).

ISBN 978-966-14-3983-1 (Украина)

ISBN 978-5-9910-2175-3 (Россия)

**УДК 821.111(73)
ББК 84.7США**

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2012

© ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2012

Оформление серии *Михаила Курдюмова*

Дизайнер обложки *Наталья Переходенко*

В оформлении обложки использована иллюстрация *Михаила Курдюмова*

Художник *Михаил Курдюмов*

Адаптация *Андрея Климова*

Золотое перо Америки

30 ноября 1835 года в США, в деревушке Флорида в штате Миссури, появился на свет ребенок, которого назвали Сэмюэл Ленгхорн Клеменс. Этот год запомнился жителям Земли величественным космическим зрелищем — появлением на небосклоне кометы Галлея, приближающейся к нашей планете раз в 75 лет. Вскоре семья Сэма Клеменса в поисках лучшей жизни переехала в городок Ганнибал в том же Миссури.

Глава семьи умер, когда его младшему сыну не исполнилось и двенадцати лет, не оставив ничего, кроме долгов, и Сэму пришлось зарабатывать на хлеб в газете, которую начал издавать его старший брат. Подросток трудился не покладая рук — сначала в качестве наборщика и печатника, а вскоре и как автор забавных и едких заметок.

Но вовсе не слава «золотого пера» привлекала в эти годы юного Клеменса. Выросший на Миссисипи, он, как позднее и его герои, постоянно ощущал зов могучей и полной волшебного очарования реки. Он мечтал о профессии лоцмана на пароходе и спустя несколько лет действительно стал им. Позже он признавался, что считает это время самым счастливым в своей жизни и, если бы не Гражданская война между северными и южными штатами США, оставался бы лоцманом до конца своих дней.

В рейсах по Миссисипи родился и псевдоним, которым Сэм Клеменс подписывал все свои произведения — двадцать пять увесистых томов. «Марк твен» на жаргоне американских речников означает минимальную глубину, при которой пароход не рискует сесть на мель, — что-то около трех с половиной метров. Это словосочетание стало его новым именем, именем самого знаменитого человека второй половины XIX века в Америке — писателя, создавшего настоящую американскую литературу, сатирика, публициста, издателя и путешественника.

С началом военных действий судоходство по Миссисипи прекратилось и Сэм Клеменс вступил в один из добровольческих отрядов, но быстро разочаровался в бессмысленно жестокой войне, где

соотечественники истребляли друг друга, и вместе с братом отправился на западное побережье в поисках заработка. Две недели длилось путешествие в фургоне, и, когда братья добрались до штата Невада, Сэм остался работать на шахте в поселке Вирджиния, где добывали серебро.

Рудокопом он оказался неважным, и вскоре ему пришлось устроиться в местную газету «Территориэл Энтерпрайзис», где он впервые начал подписываться «Марк Твен». А в 1864 году молодой журналист перебрался в Сан-Франциско, где начал писать сразу для нескольких газет, и вскоре к нему пришел первый литературный успех: его рассказ «Знаменитая скачущая лягушка из Калавераса» был признан лучшим произведением юмористической литературы, созданным в Америке. В эти годы в качестве корреспондента Марк Твен объездил всю Калифорнию и побывал на Гавайских островах, а его путевые заметки пользовались неслыханной популярностью у читателей.

Но настоящую славу Марку Твену принесли другие путешествия — в Европу и на Ближний Восток. Письма, написанные им в пути, составили книгу «Простаки за границей», которая увидела свет в 1869 году. Писателю не сиделось на месте — в эти годы он успел побывать не только в Европе, но и в Азии, Африке и даже в Австралии. Заглядывал он и в Украину — в Одессу, но совсем ненадолго.

Случайная встреча с другом детства в 1874 году и общие воспоминания о мальчишеских приключениях в городке Ганнибал натолкнули Твена на мысль написать об этом. Книга далась ему не сразу. Поначалу он задумывал ее в форме дневника, но наконец нашел нужную форму, и в 1875 году были созданы «Приключения Тома Сойера». Роман был опубликован через год и в считанные месяцы превратил Марка Твена из известного юмориста в великого американского писателя. За ним закрепилась слава мастера увлекательного сюжета, интриги, создателя живых и неповторимых характеров.

К этому времени писатель с женой и детьми поселился в городке Хартфорд в штате Коннектикут, где и прожил следующие двадцать лет, наполненных литературным трудом и заботами о семье. Почти сразу по окончании «Тома Сойера» Марк Твен задумал «Приключения Гекльберри Финна», но работа над книгой заняла много времени —

роман был опубликован только в 1884 году. Полвека спустя Уильям Фолкнер писал: «Марк Твен был первым по-настоящему американским писателем, и все мы с тех пор — его наследники».

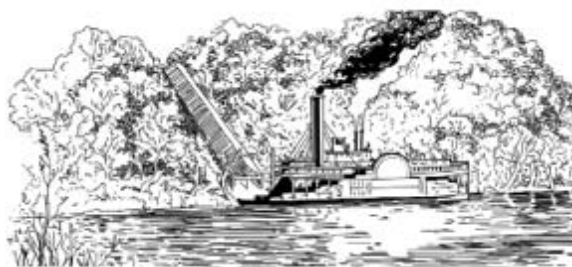
После «Гекльберри» Твен создал несколько романов, которые и по сей день завораживают читателей. Среди них «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура», «Личные воспоминания о Жанне д'Арк», «Простофиля Уилсон» и другие. Он публиковал сборники рассказов и очерков, сатирические и публицистические произведения, пользовавшиеся неизменным успехом у читателей. Спустя десятилетие он вернулся к своему первому шедевру и создал повести «Том Сойер за границей» и «Том Сойер — детектив».

Жизнь Марка Твена была сложной и насыщенной самыми неожиданными событиями. Он знал удачи и провалы, бывал богат и беден, вкладывал свои гонорары в безумные предприятия и проекты и часто ошибался в финансовых делах. Так, в 1896 году управляющий издательства, основанного писателем, довел его до краха и оставил Твена без средств к существованию и с гигантскими долгами. Чтобы выпутаться из этой ситуации, Марк Твен перевез свою семью в Европу, а сам в возрасте 65 лет отправился в кругосветное турне с лекциями. Турне продлилось больше года, Твен заработал достаточно, чтобы избавиться от долгов, но в это время скончалась его жена, которая долгие годы была его литературным редактором и бесценным советчиком.

Конец жизни Марка Твена был печальным — несчастья буквально преследовали его. Помимо смерти жены ему пришлось пережить смерть одной из дочерей и неизлечимую болезнь другой. В Америке разразился экономический кризис, причинами которого Твен считал алчность богатых и безнравственность бедных. Писатель, чьи лучшие произведения наполнены мудростью и светлым юмором, разочаровался в человечестве и больше не верил в прогресс и демократию, эти главные американские ценности. Такие мысли звучат в его последних произведениях, многие из которых остались незаконченными, и в «Воспоминаниях», опубликованных только в 1924 году.

За год до смерти Марк Твен сказал другу, что ему остается только дожидаться кометы и покинуть вместе с ней Землю, которая так его

разочаровала. Он умер 21 апреля 1910 года. Комета Галлея появилась на небосклоне на следующий день.

Глава 1

— Том!

Ни звука.

— Томас!

Молчание.

— Удивительно, и куда провалился этот мальчишка? Где ты, Том?

Нет ответа.

Тетя Полли сдвинула очки на кончик носа и оглядела комнату. Затем подняла очки на лоб и оглядела комнату из-под них. Почти никогда она не глядела на такую ерунду, как мальчишка, сквозь очки; это были парадные очки, и приобретены они были исключительно для красоты, а не ради пользы. Поэтому разглядеть что-либо сквозь них было так же трудно, как сквозь печную дверцу. На минуту она застыла в раздумье, а затем произнесла — не особенно громко, но так, что мебель в комнате могла ее слышать:

— Ну погоди, дай только добраться до тебя, и я...

Оборвав себя на полуслове, она наклонилась и принялась шарить половой щеткой под кроватью, переводя дух после каждой попытки. Однако ничего, кроме перепуганной кошки, извлечь оттуда ей не удалось.

— Что за наказание, в жизни такого ребенка не видывала!

Подойдя к распахнутой настежь двери, она остановилась на пороге и окинула взглядом огород — грядки томатов, основательно заросших сорняками. Тома не было и здесь. Тогда, повысив голос настолько, чтобы ее было слышно и за забором, тетя Полли крикнула:

— То-о-ом, ты куда пропал?

Позади послышался едва уловимый шорох, и она мгновенно оглянулась — так, чтобы успеть ухватить за помочи мальчишку, прежде чем тот шмыгнет в дверь.

— Так и есть! Я опять упустила из виду чулан. Что тебе там понадобилось?

— Ничего.

— Как это — ничего? А в чем у тебя руки? Кстати, и физиономия тоже. Это что такое?

— Откуда мне знать, тетушка?

— Зато я знаю. Это варенье — вот это что! Сотню раз я тебе твердила: не смей прикасаться к варенью! Подай сюда розгу.

Розга угрожающе засвистела в воздухе — беды не миновать.

— Ой, тетушка, что это там шевелится в углу?!

Пожилая леди стремительно обернулась, подхватив юбки, чтобы уберечь себя от опасности. Мальчик мигом перемахнул через забор огорода — и был таков.

В первое мгновение тетя Полли оторопела, но потом рассмеялась:

— Ну и прохвост! Неужто я так ничему и не научусь? Разве мало я перевидала его каверз? Пора бы уже мне и поумнеть. Но недаром ведь сказано: нет хуже дурака, чем старый дурак, а старую собаку не выучишь новым фокусам. Но, господи боже мой, ведь он каждый день придумывает что-нибудь новенькое — как же тут угадаешь? А главное, знает, где предел моему терпению, и стоит ему меня рассмешить или хоть на минуту сбить с толку, так я даже отшлепать его как следует не могу. Ох, не исполняю я свой долг, хоть это и великий грех! Верно сказано в Библии: кто щадит отпрыска своего, тот его и губит... И что тут поделаешь: Том сущий бесенок, но ведь он, бедняжка, сын моей покойной сестры — и у кого же рука поднимется наказывать сироту? Потакать ему — совесть не велит, а возьмешься за розгу — сердце разрывается. Недаром в Библии говорится: век человеческий краток и полон скорбей. Истинная правда! Вот, пожалуйста: сегодня он отлынивает от школы, значит, придется мне завтра его наказать — пусть потрудится. Жалко заставлять мальчика работать, когда у всех детей праздник, но я-то знаю, что работа для него вдвое хуже розги, а я обязана исполнить свой долг, иначе окончательно погублю душу ребенка.

В школу Том действительно не пошел, поэтому время провел отлично. Он едва успел вернуться домой, чтобы перед ужином помочь негритенку Джиму напилить дров и наколоть щепок для растопки. А уж если по правде — для того, чтобы поведать Джиму о своих похождениях, пока тот будет управляться с работой. Тем временем младший брат Тома Сид подбирал и носил поленья в растопку. Сид был примерный мальчик, не чета всяким сорванцам и озорникам, правда, братом он Тому приходился не родным, а сводным. Неудивительно, что это были два совершенно разных характера.

Пока Том ужинал, то и дело запуская лапу в сахарницу, тетя Полли задавала ему вопросы, которые ей самой казались весьма коварными, — ей хотелось поймать Тома на слове. Как многие очень простодушные люди, она считала себя большим дипломатом, способным на самые изощренные уловки, и полагала, что ее невинные хитрости — верх проницательности и лукавства.

— Что, Том, в школе сегодня было не слишком жарко?

— Нет, тетушка.

— А может быть, все-таки жарковато?

— Да, тетушка.

— Неужто тебе не захотелось выкупаться, Томас?

У Тома похолодела спина — он мигом почуял подвох.

Недоверчиво заглянув в лицо тети Полли, он ничего особенного там не увидел, потому и сказал:

— Нет, тетушка. — И добавил: — Не очень.

Тетя Полли протянула руку и, пощупав рубашку Тома, проговорила:

— И в самом деле ты совсем не вспотел. — Ей доставляло удовольствие думать, что она сумела проверить, сухая ли у Тома рубашка, так, что никто не догадался, зачем ей это понадобилось.

Том, однако, уже учуял, откуда ветер дует, и опередил ее на два хода:

— В школе мальчики поливали головы водой из колодца. У меня она до сих пор мокрая, вот — поглядите- ка!

Тетя Полли огорчилась: какая улика упущена! Но тут же снова взялась за свое:

— Но ведь тебе незачем было распаривать воротник, чтобы окатить голову, правда? Ну-ка, расстегни куртку!

Ухмыльнувшись, Том распахнул куртку — воротник был накрепко зашит.

— Ох, ну тебя, прохвост! Убирайся с моих глаз! Я, признаться, и в самом деле решила, что ты сбежал с уроков купаться. Но не так ты плох, как иной раз кажется.

Тетушка и огорчилась, что пронизательность на этот раз ее подвела, и обрадовалась — пусть это было случайностью, но Том сегодня вел себя прилично.

Но тут подал голос Сид:

— Мне кажется, что с утра вы зашили ему ворот белой ниткой, а теперь, глядите — черная.

— Ну да, конечно же белой! Томас!

Ожидать продолжения следствия стало опасно. Выбегая за дверь, Том крикнул:

— Уж я припомню это тебе, Сидди!

Оказавшись в безопасности, Том осмотрел две толстые иголки, вколотые в изнанку лацкана его куртки и обмотанные ниткой: одна — белой, другая — черной.

— Вот чертовщина! Она бы ничего не заметила, если б не этот Сид. И что это за манера: то она зашивает белой ниткой, то черной. Хоть бы что-нибудь одно, за всем ведь не уследишь. Ох, и всыплю же я этому Сиду по первое число!

Даже с очень большой натяжкой Тома нельзя было назвать самым примерным мальчиком в городе, зато он хорошо знал этого самого примерного мальчика — и терпеть его не мог.

Однако спустя пару минут, а возможно и быстрее, он забыл о своих злоключениях. Не потому, что эти злоключения были не такими болезненными и горькими, как несчастья взрослых людей, но потому, что новые, более сильные впечатления вытеснили их из его души, — в точности так же, как взрослые забывают старое горе, начиная какое-нибудь новое дело. Сейчас такой новинкой была особая манера свистеть, которую он только что перенял у одного чернокожего, и теперь было самое время без помех поупражняться в этом искусстве.

Свист этот представлял собой птичью трель — что-то вроде заливистого щебета; и чтобы выходило как надо, требовалось то и дело касаться нёба кончиком языка. Читатель наверняка знает, как это

делается, если когда-нибудь был мальчишкой. Понадобились изрядные усилия и терпение, но вскоре у Тома стало получаться, и он зашагал по улице еще быстрее — с его губ слетал птичий щебет, а душа была полна восторга. Он чувствовал себя как астроном, открывший новую комету, — и, если уж говорить о чистой, глубокой, без всяких примесей радости, все преимущества были на стороне Тома Сойера, а не астронома.

Впереди был длинный летний вечер. Внезапно Том перестал насвистывать и замер. Перед ним стоял совершенно незнакомый мальчик чуть старше, чем он сам. Любой приезжий, независимо от возраста и пола, был великой редкостью в захудалом городишке Сент-Питерсберге. А этот мальчишка вдобавок был одет как щеголь. Только вообразите: одет по-праздничному в будний день! Невероятно! На нем были совершенно новая шляпа без единого пятнышка, нарядная суконная куртка, застегнутая на все пуговицы, и такие же новые штаны. И, боже правый, он был в башмаках — это в пятницу-то! У него даже имелся галстук из какой-то пестрой ленты, завязанный у ворота. Вид у щеголя был надменный, чего Том стерпеть уж никак не мог. И чем дольше он смотрел на это ослепительное великолепие, тем выше задира л нос перед франтом чужаком и тем более убогим казался ему собственный наряд. Оба молчали. Если начинал двигаться один из мальчиков, двигался и другой, но боком, сохраняя дистанцию; они стояли лицом к лицу, не отрывая глаз друг от друга, и наконец Том проговорил:

— Хочешь, отколочу?

— Только попробуй! Сопляк!

— Сказал, что отколочу, и отколочу!

— Не выйдет!

— Выйдет!

— Не выйдет!

— Выйдет!

— Не выйдет!

Тягостная пауза, после чего Том снова начал:

— Как тебя звать?

— Не твое собачье дело!

— Захочу — будет мое!

— Чего ж ты не дерешься?

— Поговори еще — и получишь по полной.

— И поговорю, и поговорю — что, слабо?

— Подумаешь, павлин! Да я тебя одной левой уложу!

— Ну так чего не укладываешь? Болтать все умеют.

— Ты чего вырядился? Подумаешь, важный! Еще и шляпу нацепил!

— Возьми да сбей, если не нравится. Только тронь — и узнаешь! Где уж тебе драться!

— Катись к дьяволу!

— Поговори у меня еще! Я тебе голову кирпичом проломлю!

— Да ну?

— И проломлю!

— Ты, я вижу, мастер болтать. Чего ж не дерешься? Струсил?

— Нет, не струсил!

— Трус!

И снова грозное молчание. Затем оба начали боком подступать друг к другу, пока плечо одного не уперлось в плечо другого. Том сказал:

— Давай, уноси ноги отсюда!

— Сам уноси!

Оба продолжали стоять, изо всех сил напирая на соперника и с ненавистью уставившись на него. Однако одолеть не мог ни один, ни другой. Наконец, разгоряченные стычкой, они с осторожностью отступили друг от друга и Том проговорил:

— Ты паршивый трус и слюнявый щенок. Вот скажу старшему брату, чтоб он тебе задал как следует!

— Наплевать мне на твоего старшего брата! У меня тоже есть брат, еще постарше твоего. Возьмет да и перебросит твоего через забор!

Тут следует вспомнить, что у обоих никаких старших братьев и в помине не было. Тогда Том большим пальцем ноги провел в пыли черту и, хмурясь, проговорил:

— Переступишь эту черту, и я тебя так отлуплю, что своих не узнаешь! Попробуй — не обрадуешься!

Франт быстро перешагнул черту и задиристо сказал:

— Ну-ка давай! Только тронь! Чего не дерешься?

— Давай два цента — получишь.

Порывшись в кармане, фронт достал два медяка и с усмешкой протянул Тому. Том мигом ударил его по руке, и медяки полетели в пыль. В следующее мгновение оба клубком покатались по мостовой. Они таскали друг друга за волосы, рвали одежду, угощали увесистыми тумачами — и покрыли себя пылью и «боевой славой». Когда пыль немного осела, сквозь дым сражения стало видно, что Том оседлал приезжего и молотит его кулаками.

— Проси пощады! — наконец проговорил он, переводя дух.

Фронт молча завозился, пытаясь освободиться. По его лицу текли слезы злости.

— Проси пощады! — Кулаки заработали снова.

Наконец чужак сдавленным голосом запросил пощады, и Том отпустил его, назидательно заметив:

— Будет тебе наука. В другой раз гляди, с кем связываешься.

Фронт побрел прочь, отряхивая пыль с куртки, прихрамывая, всхлипывая, сопя и клятвенно обещающая всыпать Тому, если «поймает его еще раз».

Вдоволь насмеявшись, Том направился было домой в самом отличном расположении духа, но едва повернулся к чужаку спиной, как тот схватил камень и швырнул в Тома, угодив ему между лопатками, а сам пустился наутек, прыгая, как водяная антилопа. Том преследовал его до самого дома и заодно выяснил, где этот щеголь живет. С полчаса он караулил у ворот, выманивая неприятеля на улицу, но тот только корчил рожи из окна. В конце концов появилась мамаша щеголя, обругала Тома, назвав скверным, грубым и невоспитанным мальчишкой, и велела ему убираться прочь. Что он и сделал, предупредив леди, чтоб ее расфуфыренный сынок больше не попадался ему на дороге.

Домой Том вернулся уже в темноте и, осторожно влезая в окно, наткнулся на засаду в лице тети Полли. Когда же она обнаружила, в каком состоянии его одежда и физиономия, ее решимость заменить ему субботний отдых каторжными работами стала тверже гранита.

Глава 2

Наступило великолепное субботнее утро. Все вокруг дышало свежестью, сияло и было полно жизни. Радостью светилось каждое лицо, и бодрость ощущалась в походке каждого. Белая акация была в полном цвету, и ее сладкий аромат разливался повсюду.

Кардиффская гора — ее вершина видна в городке откуда угодно — сплошь зазеленела и казалась издалика чудесной безмятежной страной.

Именно в этот момент на тротуаре появился Том с ведром разведенной извести и длинной кистью в руках. Однако при первом же взгляде на забор всякая радость покинула его, а душа погрузилась в глубочайшую скорбь. Тридцать ярдов сплошного дощатого забора высотой в девять футов! Жизнь представилась ему бессмысленной и тягостной. С тяжелым вздохом окунув кисть в ведро, Том мазнул ею по верхней доске забора, повторил эту операцию дважды, сравнил ничтожный выбеленный клочок с необозримым континентом того, что еще предстояло покрасить, и в отчаянии уселся под деревом.

Тем временем из калитки вприпрыжку выскочил негритенок Джим с ведром в руке, напевая «Девушки из Буффало». До этого дня Тому казалось, что нет скучнее занятия, чем носить воду из городского колодца, но сейчас он смотрел на это иначе. У колодца всегда полно народу. Белые и черные мальчишки и девчонки вечно торчат там, дожидаясь своей очереди, болтают, меняются игрушками, ссорятся, шалят, а порой и дерутся. И хоть до колодца от их дома каких-нибудь полтора шагов, Джим сроду не возвращался домой раньше чем через час, а бывало и так, что за ним приходилось кого-нибудь посылать. Поэтому Том сказал:

— Слышь-ка, Джим! Давай я сбегаю за водой, а ты тут пока немножко побели.

— Как можно, мистер Том! Старая хозяйка велела мне мигом принести воду и, сохрани бог, нигде не застревать по дороге. Она еще сказала, что мистер Том наверняка позовет меня красить забор, так чтоб я делал свое дело, не совал нос куда не просят, а уж насчет забора она сама распорядится.

— Да что ты ее слушаешь, Джим! Мало ли что она наговорит! Давай ведро, одна нога здесь — другая там, вот и все. Тетя Полли даже не догадается.

— Ох, боязно мне, мистер Том. Старая хозяйка голову мне оторвет. Ей-богу, оторвет!

— Это она-то? Да она и не дерется совсем. Разве что щелкнет по макушке наперстком, только и делов, — подумаешь, важность! Говорит-то она разное, да только от ее слов ничего не делается, разве что иной раз сама расплается. Джим, ну хочешь, я тебе шарик подарю? Белый, с мраморными жилками!

Джим заколебался.

— Белый и вдобавок мраморный, Джим! Это тебе не фигли-мигли!

— Ох как блестит! Только очень уж боюсь я старой хозяйки, мистер Том...

— Ну хочешь, я покажу тебе свой больной палец?

Джим был обычным человеком — и не устоял перед таким соблазном. Он поставил ведро, взял мраморный шарик и, выпучив глаза от любопытства, склонился над больным пальцем, пока Том разматывал бинт. В следующую секунду он уже вихрем летел по улице, громыхая ведром и почесывая затылок, Том с бешеной энергией белил забор, а тетя Полли удалялась с поля битвы с туфлей в руке. Глаза ее горели торжеством.

Но рвения Тома хватило ненадолго. Его мысли вернулись к тому, как славно он мог бы провести этот денек, и он снова загоревал. Вот-вот на улице появятся другие мальчишки и поднимут Тома на смех из-за того, что его заставили работать в субботу. Сами-то они отправляются в разные интересные места.

Эта мысль жгла его огнем. Он извлек из карманов все заветные сокровища и устроил им ревизию: сломанные игрушки, шарики, всякая дребедень, может, и сгодятся для обмена, но вряд ли за это можно купить хотя бы час свободы. Убрав с глаз долой свои тощие капиталы, Том выкинул из головы мысль о том, чтобы подкупить кого-либо. Но в эту минуту, полную отчаяния и безнадежности, его вдруг посетило вдохновение. Самое настоящее вдохновение, без всяких преувеличений!

Взявшись за кисть, он продолжил не спеша и со вкусом работать. Вскоре из-за угла показался Бен Роджерс — тот самый мальчишка, чьих ядовитых насмешек Том опасался больше всего. Походка у Бена была беззаботная, он то и дело подпрыгивал — верный признак того, что на сердце у него легко и от жизни он ждет сплошных подарков. Он грыз яблоко и время от времени издавал протяжный гудок, за которым следовал мелодичный перезвон: «Динь-дон-дон, динь-дон-дон» — на самых низких нотах, потому что Бен изображал колесный пароход. Приближаясь к Тому, он сбавил ход, свернул на середину фарватера, слегка накренился на правый борт и стал без спешки подходить к берегу. Вид при этом он имел необыкновенно важный, потому что изображал «Большую Миссури» с осадкой в девять футов. В эту минуту Бен Роджерс был и пароходом, и капитаном, и рулевым, и судовым колоколом, поэтому, отдавая команду, он тут же ее и выполнял.

— Стоп, машина! Динь-динь-линь! — Механик выполнил команду, и пароход медленно причалил к бортовке тротуара. — Задний ход! — Обе руки Бена опустились и вытянулись по швам.

— Право руля! Динь-динь-линь! Чу-чу-у! Чу-у! — Правая рука взлетела вверх и принялась описывать торжественные круги: сейчас она изображала главное гребное колесо.

— Лево руля! Динь-динь-линь! Чу-у-чу-у! — Теперь круги описывала левая.

— Стоп, правый борт! Динь-динь-линь! Стоп, левый борт! Малый ход! Стоп, машина! Самый малый! Динь-динь-линь! Чу-у-у-ф-ф! Отдать концы! Да пошевеливайтесь там! Ну где у вас швартовочный конец? Зачаливай за кнехт! Так, теперь попусти!

— Машина стала, сэр! Динь-динь-линь! Шт-шт-шт-ш-ш-ш! — Это пароход сбрасывал пар.

Том продолжал орудовать кистью, не обращая на «Большую Миссури» ни малейшего внимания. Бен прищурился и проговорил:

— Ага, попался-таки! Взяли тебя на буксир!

Ответа не последовало. Том посмотрел на последний мазок взглядом живописца, потом еще раз бережно провел кистью по доскам и отступил, задумчиво созерцая результат. Бен подошел и встал сзади.

Том проглотил слюну — до того ему захотелось яблока, но виду не подал и вновь взялся за дело. Наконец Бен произнес:

— Что, старик, приходится потрудиться, э?

Том резко обернулся, словно от неожиданности:

— А-а, это ты, Бен! Я тебя и не заметил.

— Не знаю, как ты, а я иду купаться. Нет желания? Хотя о чем это я — ты, само собой, еще поработаешь. Это дело наверняка поинтересней.

Том с недоумением взглянул на Бена и спросил:

— Это что ты называешь работой?

— А это, по-твоему, что?

Том широко взмахнул в воздухе кистью и небрежно ответил:

— Что ж, может, для кого работа, а для кого и нет. Мне известно только одно: Тому Сойеру это по душе.

— Да брось ты! Скажи еще, что тебе нравится белить!

Кисть по-прежнему равномерно скользила по доскам забора.

— Белить? А почему нет? Небось не каждый день нашему брату случается приводить в порядок забор.

С этой минуты все предстало в новом свете. Бен даже перестал жевать яблоко. Том бережно водил кистью взад и вперед, время от времени останавливаясь, чтобы полюбоваться на дело рук своих, добавлял здесь мазок, там штрих и снова оценивал результат, а Бен пристально следил за каждым его движением, и глаза его постепенно разгорались. Внезапно он сказал:

— Слышь, Том, дай-ка и мне побелить чуток.

Том задумался, напустив на себя такой вид, будто и готов был согласиться, но внезапно передумал.

— Нет, Бен, не выйдет. Тетя Полли просто молится на этот забор; понимаешь, он выходит на улицу... Ну если б это было со стороны двора, она бы и слова не сказала... да и я тоже. Но тут... Его знаешь как надо белить? Тут разве что один из тысячи, а то и из двух тысяч мальчишек сумеет справиться как следует.

— Да ты что? Слышь, Том, ну дай хоть мазнуть, ну самую малость! Вот я — я бы тебя пустил, если б оказался на твоём месте.

— Бен, да я бы с радостью, клянусь скальпом! Но как быть с тетей Полли? Джиму тоже хотелось, а она запретила. Сид — тот в ногах

у нее валялся, а она и Сиду не разрешила. Такие, парень, дела... Допустим, ты возьмешься, а что-то пойдет не так?

— Брось, Том, я же со всем старанием! Ну пусти, я только попробоваться... Слушай, хочешь половину яблока.

— Ну как тебе сказать... Хотя нет, Бен, все-таки не стоит. Что-то я побаиваюсь.

— Я тебе все яблоко отдам!

Без всякой охоты Том выпустил кисть из рук, но душа его ликовала. И пока бывший пароход «Большая Миссури» в поте лица трудился на самом солнцепеке, удалившийся от дел живописец, посиживая в тени на старом бочонке, болтал ногами, хрустел яблоком и строил планы дальнейшего избиения младенцев.

За младенцами дело не стало. Мальчишки ежеминутно появлялись на улице; они останавливались, чтобы позубоскалить над Томом, — и в конце концов оставались красить забор. Как только Бен выдохся, Том выгодно продал следующую очередь Билли Фишеру — за подержанного, но еще очень приличного воздушного змея, а когда тот умаялся, Джонни Миллер приобрел право на кисть за дохлую крысу с привязанной к ней веревочкой — чтобы удобней вертеть в воздухе. Так оно и пошло.

К середине дня из почти нищего Том стал магнатом. Он буквально утопал в роскоши. Теперь у него имелись: двенадцать шариков, поломанная губная гармошка, осколок бутылочного стекла синего цвета, чтобы глядеть на солнце, катушка без ниток, ключ неизвестно от чего, кусок мела, пробка от хрустального графина, оловянный солдатик, пара головастиков, шесть хлопущек, одноглазый котенок, бронзовая дверная ручка, собачий ошейник, рукоятка от ножа, четыре куска апельсиновой корки и старая оконная рама. Том отменно провел время, а забор был покрыт известкой в три слоя! Если бы у него не кончилась побелка, он пустил бы по миру всех мальчишек в городке.

«Жить на свете не так уж скверно», — подумал Том. Сам того не подозревая, он открыл великий закон, управляющий человеческими поступками. Этот закон гласит: для того чтобы мальчишке или взрослому — это все равно кому — захотелось чего-нибудь, нужна только одна вещь: чтобы этого было трудно добиться. Если бы Том Сойер был выдающимся мыслителем вроде автора этой книги, он бы

пришел к выводу, что *работа* — это то, что человек вынужден делать, а *игра* — то, что он делать совершенно не обязан. И это помогло бы ему уяснить, почему делать искусственные цветы или носить воду в решете есть работа, а сшибать кегли или карабкаться на гору Монблан — приятная забава. Говорят, в Англии есть богачи, которым нравится в летнюю пору править почтовой каретой, запряженной четвериком. Такая возможность стоит им бешеных денег, но, если бы они получали за это жалованье, игра превратилась бы в работу и потеряла всю свою прелесть.

Еще некоторое время Том раздумывал над той переменой, которая произошла в его имущественном положении, а затем отправился с докладом в штаб главнокомандующего.

Глава 3

Когда он явился к тете Полли, та сидела у открытого окна в уютной комнате, служившей сразу спальней, гостиной, столовой и библиотекой. Ласковый летний воздух, тишина, запах цветов и сонное гудение пчел возымели свое действие, и она задремала над рукоделием, потому что поговорить ей было не с кем, кроме кошки, да и та давным-давно спала у нее на коленях. Очки пожилой леди ради их же безопасности были подняты выше лба. Твердо уверенная, что Том давным-давно сбежал купаться, тетя Полли неописуемо удивилась, увидев, что тот сам идет к ней в руки.

Том смиренно произнес:

— Могу я теперь пойти поиграть, тетя?

— Как, уже? И сколько же ты сделал?

— Я закончил, тетя.

— Том, не сочиняй, я этого не люблю!

— Я не сочиняю, тетя. Все готово.

Верить на слово было не в обычае тети Полли. Если б слова Тома оказались правдой хоть на двадцать процентов, она была бы вполне удовлетворена. Поэтому она и отправилась взглянуть на свершившееся чудо собственными глазами.

Когда же она обнаружила, что забор выбелен от начала до конца, и не просто выбелен, а покрыт известкой в два, а то и, страшно представить, в три слоя, и вдобавок по земле проведена белая полоса, ее изумлению не было предела. Она сказала:

— Вот так так! Ничего не скажешь, Том, работать ты можешь, когда захочешь. — Но тут же разбавила комплимент: — Жаль только, что это редко случается. Ну ступай, да приходи вовремя, не то дождешься розги.

Тетя Полли была настолько потрясена малярными талантами Тома, что отправилась в чулан, выбрала там самое большое яблоко и вручила ему, сопроводив назидательной речью о том, насколько приятней бывает награда, если она заработана честно и добродетельно. Как раз

в ту минуту, когда она принялась цитировать подходящее место из Библии, Том успел стибрить у нее за спиной пряник.

Выбежав из комнаты, Том увидел, что по наружной лестнице в пристройку второго этажа поднимается Сид. Под рукой хватало комьев сухой земли — и они тотчас замелькали в воздухе, градом осыпая Сиду. Прежде чем тетя Полли успела опомниться и прийти ему на выручку, пять-шесть комьев поразили цель, а Том перемахнул через забор — и был таков. В заборе имелась калитка, но у него, как и всегда, времени было в обрез — не делать же ради этой калитки изрядный крюк. Теперь душа его была спокойна: Сид сполна расплатился за то, что указал тете Полли на черную нитку в ворота его рубахи.

Том обогнул свой квартал и свернул в грязный переулок. Благополучно миновав коровник тети Полли и избежав плена и казни, он бегом бросился на городскую площадь, где, заранее сговорившись, уже строились в боевые порядки две армии. Одну из них предстояло возглавить Тому, другую — его закадычному приятелю Джо Харперу. Оба прославленных полководца не снисходили до того, чтобы сражаться собственноручно, — для этого существовала всякая мелюзга. Они вместе восседали на возвышении и руководили боевыми действиями, рассылая приказы через адъютантов.

После жестокой и изнурительной битвы армия Тома одержала блистательную победу. Подсчитали убитых, обменялись пленными и уговорились, когда снова объявлять войну. Был назначен день генерального сражения, потом обе армии построились в походные колонны и удалились, а Том в одиночестве поплелся домой.

Проходя мимо дома, где жил Джеф Тэтчер, он заметил в саду незнакомую девчонку — голубоглазое создание с золотистыми волосами, заплетенными в две длинные косы, в белом летнем платье и вышитых панталончиках. Суровый воин, только что увенчанный лаврами победителя, пал без единого выстрела. Некая Эмми Лоуренс мигом испарилась из его сердца, не оставив там ни малейшего следа. Еще вчера Том был уверен, что будет обожать ее вечно, а оказалось, что это всего-навсего легкое увлечение. Не один месяц он добивался взаимности, только на прошлой неделе она призналась ему в любви; несколько коротких дней он был счастлив и горд, как ни один мужчина

на свете, и хватило короткого мгновения, чтобы Эмми покинула его сердце, как случайная гостья.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ